

РЕВОЛЬВЕРЪ

КАКЪ ОРУЖІЕ ДЛЯ КАВАЛЕРІИ.

Toute cavalerie doit être munie d'une arme à feu.

Napoleon I.

(Bibl. Hist. et Milit. 1842. VI. 356.) (*)

I.

Новѣйшій изслѣдователь въ исторіи нашего отечества, между прочимъ, такъ характеризуетъ великорусское культурное развитіе: „Наши взгляды, убѣжденія выведены не изъ насъ самихъ и не изъ нашей исторіи, а приняты цѣликомъ отъ другихъ народовъ.... Наша умственная апатія и безсиліе такъ же стары, какъ мы сами“ (**).

Провѣряя эту черту по примѣрамъ нашей военной исторіи, нельзя не убѣдиться въ добросовѣстности, съ которой высказанъ такой горькій упрекъ. Въ самомъ дѣлѣ, вооруженіе и образованіе нашихъ войскъ никогда не совершенствовались по инициативѣ русскихъ военныхъ людей: для этого нужны были всегда тяжелые опыты внѣшнихъ вторженій; годы мира употреблялись нами не на введеніе улучшеній, а на повтореніе

(*) Источники: 1) Bibliotheque Historique et Militaire. T. VI. Изд. 1842. Paris. 2) Журналъ спеціального комитета по вооруженію войскъ. 3) Журналъ оружейной комисіи арт. отд. военно-ученаго комитета (1). 4) Собственные опыты, произведенные въ Сестрорѣцкѣ надъ пистолетами *двухъпульной* системы, Диліенсельда, Левоше, Кольта (три системы), Смитта, Вессона и Дебре. 5) Описаніе коллекціи револьверовъ всѣхъ системъ, рукопись, писанная за границею, Z. Z. 1866 г. 6) Инвентари древняго оружія, хранящіеся въ артилерійскомъ музеѣ.

(1) Револьверъ г. Диліенсельда разсматривался въ этой комисіи и одобренъ ею во всѣхъ отношеніяхъ.

(**) Кавелинъ. „Вѣстникъ Европы“, т. II. „Мысли и замѣтки о русской исторіи“.

уроковъ, полученныхъ при неудачныхъ для насъ первыхъ столкновеніяхъ съ врагомъ, котораго мы спѣшили принять за образецъ себѣ. Потерпѣвъ неудачи въ началѣ сѣверной войны за то, что начали ее съ оружіемъ временъ покоренія Казани, мы предприняли семилѣтнюю войну съ вооруженіемъ временъ полтавской баталіи. Періодъ наполеоновскихъ войнъ (1805 — 1815) мы открыли Фридриховскимъ церемоніаломъ съ ружьями и пушками конца семилѣтней войны. Наконецъ, крымская война, развѣ не начата нами съ оружіемъ временъ Наполеона I (*)?

Вотъ одинъ эпизодъ изъ начала наполеоновскихъ войнъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на образованіе нашихъ войскъ до 1853 года.

Въ сраженіи подъ Аустерлицемъ французскіе стрѣлки, ободренные отсутствіемъ прикрытія у батареи полковника Кудрявцева, напали на эту батарею съ фланговъ и завладѣли беззащитными орудіями.

Общее мнѣніе военныхъ людей того времени приписало это обстоятельство неумѣнью нашей пѣхоты дѣйствовать въ разсыпномъ строѣ (**), что совершенно справедливо. Стали усиливать въ войскахъ обученіе егерскимъ эволюціямъ, и какъ у французовъ кругъ дѣйствія застрѣльщиковъ былъ очень ограниченъ и почти не выходилъ за предѣлы обязанности ихъ составлять прикрытіе артилеріи, то и нашимъ войскамъ начали внушать важность защиты батарей. До 1815 года разсыпной строй, пожалуй, не нуждался въ бѣльшемъ развитіи, но потомъ условія постепенно измѣнились: вооруженіе, а съ нимъ и тактическое образованіе войскъ сдѣлались другія. Наши же войска до послѣдней крымской войны не знали другихъ цѣлей застрѣльщичьяго строя, кромѣ защиты орудій. При отсутствіи правильныхъ опытовъ въ теченіе тридцати-восьми лѣтъ (1815 — 1853), у насъ ограничились этою тощею системою егерскаго обученія, прилаживая ее на всѣ лады къ старому, неизвѣстно какъ пережившему 15-й годъ, потсдамскому кригсъ-параду. И вотъ на поляхъ битвъ въ Крыму встрѣтили мы противника хорошо вооруженнаго, ловкаго, знакомаго со всѣми преимуществами своего новаго оружія, а главное—до того непохожаго

(*) Некоторыя части нашихъ войскъ были вооружены кремневыми ружьями, на Кавказѣ.

(**) Это видно изъ заключенія слѣдственной комисіи по дѣлу полковника Кудрявцева.

на своего *солдато* бородинскаго дѣда, что не знаешь, какъ удивиться непогрѣнной храбрости нашихъ солдатъ, бесполезно повторившихъ на альмской позиціи уроки аустерлицкаго боя (*).

Между тѣмъ, все различіе французовъ отъ нашихъ войскъ заключалось только въ томъ, что они на дѣлѣ приняли всѣ военныя улучшенія новѣйшаго времени; мы же не усвоили себѣ этихъ улучшеній (не знать ихъ было невозможно) только потому, что, при разнообразіи улучшеннаго вооруженія въ другихъ государствахъ, мы не знали, которое предпочесть.

Не такъ однакожъ вначалѣ смотрѣли у насъ на крымскую войну; можно было даже опасаться, что изъ нея извлекутся уроки столько же односторонне-поучительные, какъ и изъ битвы 1805 года. Не говоря уже о томъ, что мы преисполнились излишнимъ уваженіемъ къ французскому вооруженію (слѣды этого уваженія замѣтны еще и теперь), но даже слышались голоса, требовавшіе отмены баталіонныхъ колоннъ, уничтоженія штыковъ и чуть-ли не введенія латъ для орудійной прислуги. Всѣ эти иллюзіи разсѣялись при громѣ стальныхъ пушекъ и шумѣ штыковой работы подъ Маджентой и Сольферино. Но едва стали у насъ устанавливаться такъ называемые взгляды, увазанные опытомъ, какъ кенигсгрецкая битва снова запутала вопросъ о вооруженіи войскъ. И все-таки, какъ бы ни были хороши выводы, дѣлаемые нами изъ крымской войны, итальянской кампаніи и кенигсгрецкой битвы, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онѣ, какъ частности, имѣютъ кратковременное значеніе, и что если обиліе полезныхъ данныхъ, полученныхъ нами изъ первыхъ двухъ войнъ, на самомъ дѣлѣ поразительно, то причина тому — сорокалѣтній застой въ нашемъ военномъ образованіи, а не значеніе этихъ войнъ само по себѣ. Напримѣръ, въ итальянскую кампанію обѣ стороны почти вовсе не употребляли кавалеріи, побѣду при Сольферино одержалъ *le général-soldat*; при Кенигсгрецѣ кавалерійскія атаки на пѣхоту австрійцы производили по большей части тонкимъ строемъ съ фронта. Значить ли это, что мы можемъ пренебрегать такимъ родомъ войска, какъ кавалерія, что намъ не нужны стратегическія соображенія, или что пѣхота всегда можетъ отражать кавалерійскую атаку стрѣльбой изъ развернутаго строя?

Наполеонъ I приводитъ примѣръ, который доказываетъ,

(*) Впрочемъ, не совсѣмъ бесполезно: въ этотъ день не было взято у насъ ни одного орудія, ни одного заряднаго ящика, ни одного передка.

что употребленіе кстати тактическихъ эволюцій парализуетъ превосходство вооруженія у противника. Въ Египтѣ мамелюки были лучше вооружены, чѣмъ французы: у каждаго мамелюка было по двѣ пары пистолетовъ, карабинъ, винтовка и нѣсколько видовъ холоднаго оружія. Сильной стрѣльбой они не допускали къ себѣ атакующаго врага. Но Мюратъ, Леклеркъ и Лассаль всегда разбивали ихъ, употребляя слѣдующій маневръ: они подѣзжали на рысяхъ, будучи въ колоннахъ изъ середины съ узкимъ въ головѣ фронтомъ, къ строю мамелюковъ, и когда находились отъ нихъ въ 20 — 30 шагахъ, то быстро, и одновременно съ командой *марш-марш*, развертывались въ обѣ стороны, атакуя непріятеля съ фронта и съ фланговъ.

Въ настоящее время прусская кавалерія, обыкновенно, какъ увѣряютъ корреспонденты разныхъ газетъ (*), прежде, чѣмъ броситься на атакующаго ее непріятеля, дѣлаетъ по немъ два или три залпа изъ своихъ игольчатыхъ карабиновъ, послѣ чего устремляется уже сама на сильно разстроеннаго врага и легко опрокидываетъ его.

Но если начальники австрійской кавалеріи, разсчитывая, быть можетъ, на *général-soldat*, не придумали легко возможной диверсіи, способной до нѣкоторой степени парализовать скорострѣльную способность прусскихъ карабиновъ, то значить ли это, что ихъ неудачи уничтожаютъ вѣроятность успѣха всякой кавалерійской атаки въ будущемъ, т. е. когда вездѣ введется скорострѣльное оружіе для кавалеріи? Отъ рѣшенія этого вопроса зависятъ значеніе скорострѣльнаго оружія и большая или меньшая настоятельность его введенія.

II.

Вопросъ о вооруженіи войскъ принадлежитъ къ числу элементарныхъ вопросовъ военнаго искусства, и рѣшеніе его не встрѣчаетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій ни съ теоретической, ни съ технической стороны. Но гуртовая замѣна стараго оружія новымъ требуетъ огромныхъ денежныхъ затратъ, и потому желательно, чтобы войска получили такую тактическую подготовку, которая давала бы возможность до нѣкоторой степени уменьшать или даже уничтожать преимущества въ оружіи противника, если бы случайно таковыя оказались. Основан-

(*) „Русскій Инвалидъ“ 1866 г., № 167.

ніемъ для такой подготовки войскъ служатъ примѣры самаго большаго числа бывшихъ боевыхъ комбинацій. Что же касается до того, чтобы во время самаго сраженія придумать приличное построеніе для вѣрнѣйшаго пораженія непріятеля, то, какъ неоднократно утверждалось всѣми военными писателями, это есть способность высшаго военнаго соображенія и не можетъ быть дано правиломъ. Помочь этому дѣлу въ значительной степени можно: хорошимъ образованіемъ солдатъ, улучшенною системою повышеній по службѣ офицеровъ и развитіемъ между ними серьезныхъ военныхъ свѣдѣній.

Можно сказать утвердительно, что до Наполеона I очень смутно сознавалась связь между вооруженіемъ войскъ и тактическимъ ихъ образованіемъ. Теперь установились на этотъ счетъ весьма опредѣленные понятія. Вотъ какой характеръ получили улучшения вооруженій всѣхъ трехъ родовъ войска подъ влияніемъ этихъ понятій (*).

Всѣ улучшения въ *артилеріи* направлены къ увеличенію ея подвижности и степени поражаемости. Сама она, будучи беззащитна, развивается такъ, что пѣхота и кавалерія должны употреблять всѣ усилія, чтобы защититься отъ дѣйствія артилерійскаго огня. Артиллеристы нисколько не озабочены улучшеніемъ оборонительныхъ средствъ своихъ батарей: они только думаютъ объ увеличеніи пораженія, о дѣйствіи своихъ снарядовъ.

Въ *пѣхотѣ* совершенствованіе оружія направлено такимъ образомъ, чтобы расширялась дѣятельность каждаго строеваго лица. Если оружіе пѣхоты тяжело, метательная его способность плохая, то пѣхота дѣйствуетъ въ массахъ (фаланга, легионада, обозныя каре и т. п.) въ силу того закона, что и безоружные люди, сплотившись въ большую кучу, представляютъ значительную пассивную силу. Легкость ружья вмѣстѣ съ его дальнострѣльностію увеличиваютъ активность пѣхоты, расширяютъ кругъ дѣйствія каждаго солдата, поднимаютъ значеніе пересѣченной мѣстности, вызываютъ необходимость цѣлой системы егерскаго строя и требуютъ развитія самостоятельности отдѣльныхъ лицъ. Наконецъ, скорость заряжанія увеличиваетъ

(*) Наполеонъ I въ своихъ замѣткахъ, по поводу сочиненія „*Considerations sur l'art de la guerre*“, очень подробно опредѣляетъ отношеніе между вооруженіемъ войскъ и боевымъ опытомъ прошедшаго времени. В. Н. et M. VI. 340—440.

силу небольшихъ частей пѣхоты и потому имѣеть вліяніе на моральный духъ войскъ.

Слѣдовательно, *легкость* ружья, *дальнострѣльность* и его *скорое заряджаніе* суть такія качества, отъ которыхъ зависитъ не только строй арміи, но порядокъ и въ нѣкоторой степени успѣхъ боя. Вѣроятность успѣха растетъ вмѣстѣ съ улучшеніемъ оружія по этимъ тремъ пунктамъ. Если разница въ оружіи двухъ армій въ этихъ именно качествахъ незначительна, то всегда можно искуснымъ маневромъ парализовать преимущество лучше вооруженной стороны; но когда хотя бы только одно изъ поименованныхъ качествъ значительно превосходитъ соответствующее качество въ оружіи противной арміи, то послѣдней будетъ невозможно выйти изъ весьма затруднительнаго положенія (*).

Для краткости изложенія я соединю два боевыя качества: *легкость* и *дальнострѣльность* ружья, въ одно понятіе такимъ образомъ, что не то ружье буду называть безусловно лучшимъ, которое лишь далеко стрѣляетъ или само по себѣ легко, но которое на каждый фунтъ своего вѣса даетъ большую длину выстрѣла. Теперь обыкновенно на одинъ фунтъ вѣса винтовки приходится 100 шаговъ длины выстрѣла, т. е. винтовка въ 12 фунтовъ вѣсомъ стрѣляетъ на 1,200 шаговъ. Отношеніе это выразимъ дробью $\frac{1}{100}$ и назовемъ его *легкодальностію*.

При данномъ состояніи техники, легкодальность одинакова для всякаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія, такъ что карабинъ въ 6 фунтовъ вѣсомъ долженъ стрѣлять на 600 шаговъ, пистолетъ въ 3 фунта вѣсомъ стрѣляетъ на 300 шаговъ, и т. д.

Въ началѣ XVII столѣтія и во время войнъ Фронды легкодальность была $\frac{1}{5}$, т. е. ружье въ 12 фунтовъ вѣсомъ стрѣляло на 60 шаговъ; при Фридрихѣ II она уменьшилась до $\frac{1}{10}$, при Наполеонѣ I до $\frac{1}{20}$.

Кавалерія, со временъ наполеоновскихъ войнъ, дѣйствовала въ бою различнымъ образомъ: какъ пѣхота—оборонительно и наступательно, какъ кавалерія—нападеніями. Отсюда та путаница, которая до сихъ поръ ставитъ вопросъ о вооруженіи кавалеріи въ самое неопредѣленное положеніе. При нападеніяхъ главную роль играло до сихъ поръ холодное оружіе; во время же пѣхотной службы необходимо огнестрѣльное оружіе со всѣ-

(*) Предполагается, что всѣ другія условія одинаковы.

ми послѣдствіями, которыя обусловливаются требованіями легкодальности и скорой стрѣльбы.

Не нужно большихъ соображеній, чтобы придти къ выводу, что такой разносторонній характеръ кавалерійской службы невозможенъ при совершенствованіи ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Да онъ и не нуженъ, если только воспользоваться надлежащимъ образомъ тѣми данными, которыя получили уже замѣчательное примѣненіе. Въ самомъ дѣлѣ: самостоятельность и стойкость кавалеріи поддерживаются конной артиллеріей, а въ виду большаго значенія пересѣченной мѣстности сильнымъ оборонительнымъ кавалерійскимъ средствомъ арміи являются драгуны. Остальная кавалерія хотя и должна быть вооружена огнестрѣльнымъ оружіемъ, но не съ цѣлю дать ей средство для тактической обороны или для дѣйствія пѣшимъ строемъ, какъ это было во время спутавшихся понятій, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія легкодальности, а съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы это оружіе какъ можно ближе подходило къ свойствамъ нападательнаго оружія. Сюда относятся: способность его къ нѣсколькимъ послѣдовательнымъ выстрѣламъ съ одного заряжанія и такое устройство, чтобы оружіе можно было свободно держать одной рукой.

Улучшеніе огнестрѣльнаго оружія вліяетъ на кавалерію и слѣдующимъ образомъ: уменьшеніе легкодальности измѣняетъ относительную численность кавалеріи. Такъ при легкодальности въ $\frac{1}{5}$, число кавалеріи равнялось, а иногда превосходило, половину всей арміи; при Фридрихѣ II это отношеніе рѣдко превышало одну треть; при Наполеонѣ I численность кавалеріи еще уменьшилась и составляла четверть всей арміи. Теперь отношеніе мѣняется, въ зависимости отъ топографическихъ условій, въ которыхъ находятся разныя государства, отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$. Выѣстъ съ уменьшеніемъ отношенія между численностію кавалеріи и всей арміи, выросло отношеніе между числомъ драгунъ и прочей кавалеріи. При Тюрениѣ число драгунъ относилось къ числу остальной кавалеріи какъ 1 : 10, иногда какъ 1 : 3; при Фридрихѣ отношеніе увеличилось до $\frac{1}{6}$, при Наполеонѣ до $\frac{1}{4}$. Теперь, при легкодальности въ $\frac{1}{100}$, отношеніе должно быть увеличено до $\frac{1}{3}$, даже до $\frac{1}{2}$: такъ поднялось значеніе закрытой мѣстности (*). Возможность про-

(*) Теперь у насъ драгунскіе полки распределены по другимъ кавалерійскимъ движеніямъ. Если я довольно ясно изложилъ здѣсь свои мысли по этому предмету,

изводитъ скорую стрѣльбу изъ ружья современемъ тоже увеличивается; но это ускореніе особенно усилилось только въ послѣднее время. Опытъ еще не выяснилъ того вліянія, которое имѣетъ на кавалерійскую тактику учащеніе стрѣльбы. Примѣры послѣднихъ войнъ не вполне удовлетворительны. Рассказываютъ, напримѣръ, что нѣкоторыя части сѣверо-американской пѣхоты, будучи вооружены скорострѣльными, такъ называемыми магазинными ружьями, рѣшительно не допускали къ себѣ кавалерійской атакующей колонны. Эти ружья могли выпустить первые семь выстрѣловъ въ теченіе десяти секундъ, при чемъ стрѣляли залпами, такъ что, по увѣренію очевидцевъ, струи свинца, получаемыя отъ такой стрѣльбы, могутъ быть уподоблены длиннымъ штыкамъ, которые бы могли поражать непріятели съ разстоянія во 100—200 шаговъ. Атакующая кавалерія отъ первыхъ трехъ-четырехъ залповъ приходила въ разстройство и обращалась въ бѣгство.

То же самое сообщаютъ теперь о прусскихъ игольчатыхъ ружьяхъ. Жаль только, что корреспонденты не передаютъ намъ большихъ подробностей объ этихъ любопытныхъ столкновеніяхъ. Какъ бы то ни было, если отраженіе кавалерійской атаки учащенною стрѣльбою, вообще говоря, возможно, то еще нельзя отсюда заключать, чтобы это произвело какое-нибудь замѣтное измѣненіе въ системѣ боя. Вѣдь и прежде хорошая пѣхота отражала кавалерію одною только стойкостію, даже безъ выстрѣла. Что же касается того, что прусская пѣхота принимаетъ атаку въ развернутомъ строѣ, то искусный кавалерійскій начальникъ всегда найдетъ средство ловкимъ маневромъ избѣгнуть фронтальнаго огня. Вообще то или другое построеніе, какъ тотъ или другой характеръ войска легко находятъ себѣ прямое противодѣйствіе и потому не могутъ быть образцомъ для подражанія. Но что несомнѣнно—это необходимость вооружить кавалерію скорострѣльнымъ оружіемъ, которое бы дѣйствовало подобно длиннымъ палашамъ или пикамъ. Иначе трудно требовать отъ кавалеріи того высокаго моральнаго духа, какой необходимъ ей въ виду скорой стрѣльбы пѣхотныхъ ружей.

то читатель увидитъ въ этой мѣрѣ большой шагъ впередъ на пути улучшеній въ организаціи нашей кавалеріи.

III.

Чтобы опредѣлить огнестрѣльное оружіе для кавалеріи, рассмотримъ качества, какими вообще должно обладать всякое ручное оружіе, и укажемъ на тѣ изъ нихъ, которыя особенно важны для кавалеріи.

а) *Легкость.*

Составной элементъ легкодальности, легкость оружія, есть важное качество главнымъ образомъ потому, что меньше *связываетъ*, меньше *обременяетъ* солдата. При выборѣ оружія для кавалеріи, которой неоцѣненные достоинства—быстрота и свобода дѣйствій—не должны быть умалены ни въ какомъ случаѣ. Необходимо имѣть въ виду именно эти свойства легкости.

Трудно преувеличить неудобства, происходящія отъ тяжелаго оружія въ кавалеріи. Во время переѣздовъ скорыми аллюрами, тряска тяжелаго карабина за плечами кавалериста или подъ ногою больше беспокоитъ его, чѣмъ все остальное вооруженіе. При стрѣльбѣ, кавалеристъ, обязанный держать одной рукою поводъ лошади, очень стѣсняется оружіемъ, требующимъ для этого участія обѣихъ рукъ. И—странное дѣло—въ то самое время, какъ никто не претендуетъ на вооруженіе кавалеріи такимъ холоднымъ оружіемъ, которымъ нужно было бы дѣйствовать обѣими руками, мысль снабдить кавалериста двухручнымъ карабиномъ до сихъ поръ находитъ многочисленныхъ послѣдователей! Если разсчитывать, что кавалеристъ во время стрѣльбы можетъ держать лошадь въ шенкеляхъ, то лучше вовсе отказаться отъ огнестрѣльнаго оружія въ кавалеріи, потому что при этомъ необходимо должно произойти одно изъ двухъ: или лошадь такъ мало будетъ чувствительна къ шенкелямъ, что устоять смирно во время нажатія ихъ при стрѣльбѣ по разнымъ направленіямъ, или же она будетъ вращаться въ сторону выстрѣла. Въ первомъ случаѣ это большой недостатокъ лошади, такъ какъ нажатіе шенкелемъ при поворотѣ караула направо и налево весьма чувствительно, а во второмъ стрѣльба будетъ совершенно невѣрна. Это двойное неудобство двухручныхъ карабиновъ всѣмъ извѣстно, и оно-то объясняетъ *невозможность стрѣльбы съ коня направо и налево назадъ*. Могутъ возразить, что въ послѣднюю прусско-австрійскую войну прусаки-кавалеристы были вооружены карабинами. Но, во-первыхъ, мы не знаемъ той пользы, которая происходила именно отъ карабиновъ для прусской кавалеріи; намъ

извѣстно, что одна лишь скорострѣльная ихъ способность оказалась полезною; во-вторыхъ, какъ тактическій методъ, стрѣльба съ мѣста противъ атакующей кавалеріи имѣетъ весьма условное значеніе и не можетъ пережить перваго ловкаго кавалерійскаго маневра, если атакующая кавалерія будетъ вооружена хорошими *револьверами*.

Согласившись, что никакое вообще двухручное оружіе не соответствуетъ характеру кавалериста, мы можемъ сдѣлать слѣдующій расчетъ для опредѣленія наибольшаго вѣса, дальше котораго не можетъ быть увеличенъ вѣсъ кавалерійскаго огнестрѣльнаго оружія. Пѣхотное ружье, признанное необременительнымъ для солдата (*), вѣситъ 12 фунтовъ. При стрѣльбѣ солдатъ держитъ его обѣими руками и еще упираетъ въ плечо прикладъ. Полагая, что на долю плеча приходится давленіе въ 3 фунта, на каждую руку придется давленіе въ $4\frac{1}{2}$ фунта. Поэтому, не желая обременять руки кавалериста больше, чѣмъ обремененъ пѣхотный солдатъ во время стрѣльбы, можемъ дать ему оружіе никакъ не тяжелее $4\frac{1}{2}$ фунтовъ.

б) Дальнострѣльность.

Другой элементъ легкокодальности такъ связанъ съ вѣсомъ оружія, что если вѣсъ его не можетъ быть больше $4\frac{1}{2}$ фунтовъ, то дальнострѣльность не можетъ быть больше 450 шаговъ при нынѣшнемъ состояніи техники. Правда, время отъ времени появляются образцы оружія (**), у которыхъ легкокодальность равняется $\frac{1}{150}$, такъ что при четырехъ фунтахъ вѣсомъ они стрѣляютъ на 600 шаговъ. Но можемъ увѣрить изобрѣтателей, что эти образцы неудовлетворительны по своей подозрительной прочности. Собственно говоря, дальность легко увеличить простымъ увеличеніемъ заряда, вѣсъ легко уменьшить простою замѣною металлическихъ частей деревянными; но въ обоихъ случаяхъ наносится вредъ прочности оружія. Впрочемъ, случайно можетъ появиться образецъ оружія съ легкокодальностію въ $\frac{1}{150}$; ни въ какомъ однако случаѣ это не можетъ быть для всѣхъ экземпляровъ той же системы, потому что неизвѣстны еще тѣ условія, которыхъ систематическое устраненіе могло бы быть предусмотрено и которыя вліяютъ

(*) Это, впрочемъ, не значить, чтобы такой вѣсъ не полезно было уменьшить.

(**) Пистолеть двухпульной системы въ 4 фунта вѣсомъ случайнымъ выстрѣломъ пробилъ дѣймовую доску, въ 600 шагахъ отъ мѣста стрѣльбы. Я показу ниже причину такой аномаліи.

на уменьшеніе дальности выстрѣла. Но предположимъ, что сдѣлалось бы возможнымъ оружіе съ легкодальностію въ $\frac{1}{150}$. Выгода, которую бы слѣдовало извлечь изъ такого уменьшенія легкодальности для кавалеріи, заключается лишь въ уменьшеніи вѣса, но никакъ не въ увеличеніи дальности стрѣльбы. Дѣйствительно, какую пользу принесетъ кавалеріи оружіе, которое пріобрѣтаетъ возможность стрѣлять на 600 шаговъ? Думать, что кавалерія способна состязаться съ ружейнымъ огнемъ пѣхоты посредствомъ карабиновъ, стрѣляющихъ на 600 шаговъ, значитъ находится въ области фантазій самыхъ химеричныхъ. Полагать, что она въ конномъ строю будетъ брать верхъ надъ кавалерійскою цѣпью противника, благодаря лишь дальности своихъ выстрѣловъ на 600 шаговъ, значитъ не имѣть надлежащаго понятія о роли, которую исключительно должна играть кавалерія въ бою. Кромѣ того, связь между кавалеристомъ и его лошадью такова, что мѣткость стрѣльбы гораздо больше зависитъ отъ права коня, чѣмъ отъ искусства наѣздника или отъ техническаго совершенства оружія. Поэтому всадникъ никогда *не долженъ* стрѣлять на большое разстояніе, а долженъ подсаживая къ неприятелю на столько, чтобы свободнымъ движеніемъ своего корпуса и рукъ парализовать верткость лошади. Кавалерія, пренебрегающая это правило, тратитъ понапрасну патроны, падаетъ духомъ отъ сознанія своей безвредности для неприятеля и, что хуже всего, увеличиваетъ предприимчивость противника.

Многочисленные примѣры доказываютъ это. Приведу одинъ изъ крымской войны. Въ дѣлѣ при Евпаторіи 15-го марта 1855 года, французскіе наѣзники, ободренные безвредностію стрѣльбы казацкой цѣпи, съ одними пистолетами въ рукахъ такъ близко насканивали на нашихъ казаковъ, вооруженныхъ *винтовками*, что тѣ вынуждены были отбиваться прикладами, при чемъ убыль казаковъ была значительнѣе, чѣмъ у неприятеля.

Мы не знаемъ, съ какого разстоянія прусская кавалерія открывала стрѣльбу по атакующей ее австрійской кавалеріи, но можно положительно сказать, что разстояніе не было больше 100 шаговъ. А это такое разстояніе, съ котораго атакующая кавалерія, вооруженная револьверами улучшенной системы, могла бы съ успѣхомъ открыть стрѣльбу даже *на скаку*.

Наполеонъ I, въ свое время, при легкодальности въ $\frac{1}{20}$,

совѣтовалъ всю кавалерію приучать къ пѣшему строю и вооружать ее карабинами. Такая кавалерія, по его мнѣнію, могла при случаѣ замѣнять драгунъ. „Trois mille hommes de cavalerie légère, ou trois mille cuirassiers, ne doivent point se laisser arrêter par mille hommes d'infanterie, postés dans un bois, ou dans un terrain impraticable la cavalerie...“ (*). Во времена Наполеона I это было легче, чѣмъ теперь: кавалеристъ стрѣлялъ на 120 шаговъ (вѣсъ карабина 6 фунтовъ), а пѣхотный солдатъ на 240; разница была всего 120 шаговъ—разстояніе, которое можно пробѣжать въ одну минуту, т. е. въ такой промежутокъ времени, въ который кремневое ружье могло произвести (и то не всегда) одинъ только выстрѣлъ. Въ наше время для такой операціи слѣдуетъ употреблять драгунъ. Самая же мысль Наполеона—этого великаго военного авторитета—употреблять кавалерію вмѣсто драгунъ подтверждаетъ все сказанное выше о реорганизаціи драгунъ въ смыслѣ новыхъ требованій легкоходности въ $\frac{1}{100}$.

Отказываясь отъ дальнострѣльнаго оружія для кавалеріи и вооружая ее пистолетами-револьверами, мы тѣмъ самымъ ставимъ себя на прямую дорогу развитія кавалерійской тактики. Прѣжняя тактика, основанная на началахъ гуртовыхъ атакъ и спѣшиваніяхъ массама, прошла безвозвратно, и если случаи большихъ атакъ могутъ представиться въ будущемъ, то изъ этого только слѣдуетъ, что кавалерія должна быть приучена къ смыканіямъ и размыканіямъ своего строя, а начальники должны всякій разъ разсчитать время и мѣсто для такихъ эволюцій. Маневрированіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, малыя атаки, охранительное положеніе въ раздробь, подстереганіе всякой оплошности противника, всякаго отступленія изъ-за прикрытія, однимъ словомъ—*тактика удачныхъ моментовъ*, вотъ задачи новѣйшей кавалеріи. Эти задачи сложны; подготовка къ удовлетворительному ихъ рѣшенію въ бою требуетъ столько усилій, что лучше отказаться отъ траты времени на обученіе кавалеристовъ пѣшему строю, котораго они никогда не знали хорошо, по милости котораго и своего-то дѣла не могли прослѣдить съ необходимымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ.

Сдѣлаемъ большое упрощеніе въ стрѣльбѣ кавалериста, ослабимъ его пистолетомъ безъ прицѣла. Короткій стволъ безъ

(*) В. Н. et M. IV. 356.

прицѣла можетъ стрѣлять на 200 шаговъ. Эта дальность совершенно достаточна; она не велика, потому что пистолеть, стрѣляющій менѣе чѣмъ на 200 шаговъ, имѣлъ бы малую силу пораженія и могъ бы не выводить своимъ выстрѣломъ людей изъ строя, особенно если выстрѣлъ сдѣланъ подъ угломъ къ плоскости прицѣливанія. Само собою разумѣется, что разстояніе въ 200 шаговъ здѣсь показано такимъ, съ какого пуля должна пробивать дюймовую доску.

Кавалеристъ на форпостной службѣ, въ развѣздахъ, нуждается въ средствахъ для личной обороны; во время атаки ему нужно легкое оружіе, чтобы посылать выстрѣлы по разнымъ направленіямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ старались вооружать кавалериста такъ, что онъ могъ произвести нѣсколькихъ выстрѣловъ непосредственно, и съ этою цѣлю давали ему, кромѣ карабина, пистолеть или даже пару пистолетовъ. Такое вооруженіе не можетъ считаться роскошью или прихотью: оно отвѣчаетъ свойству кавалерійской службы вообще. Современная техника даетъ огнестрѣльное оружіе, способное вытѣснить разомъ и карабины, и одноствольные пистолеты въ кавалеріи. Оружіе это есть *пистолетъ-револьверъ*, который съ одного заряжанія можетъ произвести 5—6 послѣдовательныхъ выстрѣловъ. Легкодальность револьвера нѣсколько больше, чѣмъ одноствольнаго пистолета: она равняется $\frac{1}{75}$, т. е. револьверъ въ 3 фунта вѣсомъ можетъ стрѣлять на 200 шаговъ. Какое получится упрощеніе и вмѣстѣ облегченіе въ вооруженіи кавалеріи, если вмѣсто карабина (5—6 фунт.) и двухъ пистолетовъ (6 — 3 фунта) каждый всадникъ получитъ одинъ револьверъ!

в) Удобная форма.

Огнестрѣльное оружіе кавалеріи не должно быть очень длинно: иначе, оно будетъ мѣшать свободнымъ движеніямъ всадника. Револьверы вообще короче одноствольныхъ пистолетовъ при одинаковомъ вѣсѣ; они умѣстительнѣе и потому удобнѣе.

При стрѣльбѣ съ коня, какъ и при дѣйствіи саблей, имѣетъ вліяніе на отягченіе руки и на удобство владѣть оружіемъ расположеніе въ немъ центра тяжести. Въ револьверѣ центръ тяжести выгоднѣе располагается, чѣмъ въ одноствольномъ пистолетѣ; онъ ближе къ шейкѣ ложи, а потому и къ рукѣ. Удаленіе центра тяжести отъ шейки увеличиваетъ вѣсъ, кото-

рый давить на мускулы пальцевъ во время прицѣливанія и мѣшаетъ быстрому и безошибочному направленію выстрѣловъ. Разница въ вѣсѣ дѣлается отъ того довольно значительная, такъ что, напримѣръ, въ пистолетѣ двухпульной системы, гдѣ разстояніе центра тяжести отъ шейки ложи равно 2 дюймамъ, вѣсъ пистолета въ рукѣ увеличивается съ 4 до $6\frac{3}{5}$ фунтовъ (*), что уже переходитъ за предѣлъ ($4\frac{1}{2}$) наибольшаго вѣса въ кавалерійскомъ оружіи. Въ револьверѣ же, напримѣръ, полковника Лиліенфельда центръ тяжести отстоитъ отъ шейки на одинъ дюймъ, и потому вѣсъ револьвера при прицѣливаніи увеличивается съ 3 только на $3\frac{3}{5}$ фунта.

Въ револьверахъ такое выгодное сближеніе центра тяжести съ рукояткою происходитъ отъ прочныхъ металлическихъ оковъ ложи и отъ тяжелаго барабана, расположеннаго, какъ извѣстно, очень близко къ шейкѣ (**).

г) Сила пораженія.

Сила пораженія выстрѣла должна быть такова, чтобы съ разстоянія, приличнаго данному роду войска, она была способна вывести человѣка изъ строя. Думаютъ, что сила пораженія револьвера вообще меньше силы одноствольнаго пистолета.

(*) Вычисленіе это основано на теоріи рычага; оно объясняетъ аномалію, указанную выше. Удаленіе центра тяжести въ этомъ пистолетѣ отъ шейки происходитъ оттого, что въ немъ большая часть вѣса приходится на долю ствола, а длинная, деревянная ложа безъ оковъ и скрѣпъ служитъ основаніемъ всѣхъ приспособленій.

(**) Драгуны, вооружаются у насъ пѣхотными шестилинейными винтовками. Хотя вооруженіе и образованіе драгунъ не вошли въ програму этой статьи, но будетъ очень умѣстно именно здѣсь сдѣлать слѣдующія два замѣчанія по этому предмету:

1) Винтовка стрѣляетъ съ двумя прицѣлами: короткимъ и длиннымъ. Драгуны вооружены первыми и, слѣдовательно, могутъ стрѣлять только на 600 шаговъ. Зачѣмъ же они должны возить съ собою тяжесть въ 12 фунтовъ? Вѣдь на 600 шаговъ можно стрѣлять изъ карабина въ 6 фунтовъ вѣсомъ. Мысль, что короткому карабину нельзя придать способности хорошей штыковой фехтовки, нуждается еще въ сильныхъ доказательствахъ.

2) Стрѣлки стрѣляютъ изъ той же винтовки съ длиннымъ прицѣломъ на 1,200 — 600 шаговъ. Форма винтовки, получившая свой видъ съ незапамятныхъ временъ и пережившая всѣ легководности, неудобна для стрѣльбы на разстоянія, требующія употребленія высокаго прицѣла: голову приходится держать съ сильно вытянутой шей, безъ всякаго упора для щеки. Выстрѣлъ черезъ это дѣлается невѣрнымъ, а солдатъ, испытавъ нѣсколько разъ мученіе, соединенное съ натянутымъ положеніемъ головы, и убѣдившись въ невѣрности выстрѣловъ, перестанетъ довѣрять прицѣлу.

Полковникъ Лиліенфельдъ, командующій Сестрорѣцкимъ оружейнымъ заводомъ, придумалъ весьма простое приспособленіе, съ помощію котораго устраняется недостатокъ нынѣшняго нагиба ложи.

Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, на сколько справедливо такое сильное мнѣніе, замѣчу, что для кавалеріи важно, будетъ ли ея оружіе сильнѣе, или слабѣ другого оружія, лишь бы оно обладало того силою пораженія, какаа признана вполне достаточною. Револьверъ же, какъ видѣли мы выше, удовлетворяетъ этому требованію.

IV.

Итакъ, качества оружія: легкость, дальнострѣльность, форма и сила пораженія, вліяющія на преимущество на внѣшнее значеніе солдата въ бою, опредѣляются такъ, что для кавалериста лучшимъ оружіемъ оказывается револьверъ. Теперь рассмотримъ другія качества, отъ которыхъ зависитъ моральный духъ солдата или которыя имѣютъ внутреннее значеніе для успѣха боя.

д) *Легкость и скорость заряжанія.*

Время, которое тратится на заряжаніе оружія, тѣмъ болѣе отвлекаетъ вниманіе солдата отъ окружающаго міра, чѣмъ самое заряжаніе сложнѣе и требуетъ большей сноровки. Нѣтъ положенія въ бою болѣе незавиднаго, какъ положеніе стрѣлка, заряжающаго свое оружіе: онъ тогда беззащитенъ. Поэтому чѣмъ проще, чѣмъ скорѣе заряженіе, тѣмъ лучше. Въ настоящее время техника даетъ намъ системы оружія съ тремя усовершенствованными способами заряжанія.

1) *Одноствольные пистолеты, заряжающіеся съ казенной части.* Этотъ способъ заряжанія не всегда скорѣе простаго: на примѣръ, гравовская система заряжанія сзади такъ сложна, что въ кабинетъ, работая совершенно спокойно, удастся зарядить пистолетъ только разъ послѣ 3—5 бесполезныхъ попытокъ. Прочія системы хотя и лучше, но, вообще говоря, служатъ скорѣе переходною ступенью къ другимъ улучшеніямъ въ заряжаніи, а сами по себѣ не могутъ быть одобрены. Такъ существуютъ пистолеты, заряжающіеся сзади готовыми металлическими патронами; они были бы очень хороши, если бы не значительная ихъ сложность.

2) *Револьверы со стержнями.* Хотя заряжаніе ихъ весьма продолжительно, однако, принимая въ соображеніе, что они разомъ заряжаются 5—6 зарядами, нельзя не отдать имъ предпочтенія передъ предыдущими системами.

3) *Револьверы съ готовыми металлическими патронами.* Самая совершенная система во всѣхъ отношеніяхъ; большаго

упрощенія въ заряджаніи едва-ли можно ожидать: револьверъ этой системы можетъ быть заряженъ вновь въ 10—15 секундъ шестью зарядами.

Кавалерія, рассчитывая на успѣхъ своего предпріятія отъ внезапности нападеній, сама тоже подвергается опасностямъ внезапной атаки. Тревожное состояніе, весьма естественное при такомъ характерѣ ея операцій, значительно ослабѣетъ, если каждый кавалеристъ будетъ имѣть при себѣ *всегда* заряженный револьверъ; а это зависитъ отъ того, въ какой степени скоро можно зарядить его послѣ выстрѣловъ.

Прежде возражали, что вооруженіе войскъ скорострѣльнымъ оружіемъ потребуеетъ очень большаго числа патроновъ. Теперь всѣ убѣждены, что такое возраженіе не можетъ препятствовать улучшенному вооруженію армій. Если вѣрить извѣстіямъ, сообщавшимся американскими корреспондентами въ послѣднюю войну, то придется даже допустить, что скорострѣльное оружіе вовсе не потребуеетъ большаго числа патроновъ, чѣмъ обыкновенное. Въ Америкѣ, въ сѣверной арміи, случали послѣ нѣсколькихъ дѣлъ число разстрѣлянныхъ патроновъ у частей, стрѣлявшихъ магазинными карабинами и обыкновенными: при этомъ оказалось, что убыль патроновъ была одинакова въ обоихъ случаяхъ. Пруссаки тоже не жалуются на большую трату зарядовъ.

Пользуясь тѣмъ, что калибръ револьвера меньше калибра прежняго кавалерійскаго оружія, мы безъ излишняго обремененія солдата можемъ увеличить нѣсколько число патроновъ, единственно въ виду предстоящаго широкаго развитія одиночной кавалерійской службы. Мы доведемъ это число до 36, т. е. до шести круговыхъ зарядовъ на револьверъ. Расчетъ сдѣланъ такъ, что всѣ эти патроны уложатся въ кавалерійскую ладунку нынѣшнихъ размѣровъ, и все вмѣстѣ не будетъ тяжелѣе прежнихъ зарядныхъ сумокъ.

е) Надежность.

Подъ словомъ *надежность* оружія здѣсь разумѣется не только прочность его, но и возможность выстрѣла по произволу стрѣляющаго. Когда оружіе заряжено, то часто можетъ не произойти выстрѣла, хотя бы солдатъ и хотѣлъ произвести его. Причины тому могутъ быть вообще троякаго рода: *не-совершенство системы оружія, неудовлетворительность патроновъ и неудовлетворительность способа сообщенія огня заряду.*

Всѣ системы пистолетовъ, съ дула заряжающихся, хотя бы компресивною пулею, подвержены этому неудобству. При продолжительной возкѣ ихъ дуломъ внизъ, зарядъ можетъ передвинуться на столько къ дулу, что не произойдетъ выстрѣла.

Въ нѣкоторыхъ системахъ, заряжающихся съ казенной части, зарядъ можетъ не дойти до мѣста во время заряжанія, что очень легко при образованіи задоринъ, такъ собственныхъ нарѣзному каналу съ мелкими нарѣзками, а также отъ порохового остатка, отъ ржавчины и т. п., и тогда лучъ огня отъ капсюля ударитъ въ свинець пули, а не въ порохъ.

Револьверы со стержнями представляютъ въ этомъ отношеніи слѣдующія неудобства: послѣ выстрѣла осколки разбитаго капсюля попадаютъ въ щель между барабаномъ и корпусомъ и до того тормозятъ храповое колесо, что слѣдующій выстрѣлъ дѣлается невозможнымъ; если же солдатъ вгорячахъ непремѣнно захочетъ произвести его, то можетъ сломать пружинку рычага и тѣмъ испортитъ револьверъ.

Револьверы съ готовыми металлическими патронами совершенно гарантированы отъ всѣхъ подобныхъ случайностей.

Бумажные патроны неудобны для кавалериста: изъ нихъ легко высыпается порохъ. Во время переѣздовъ порохъ претерпѣваетъ раструску и измоль; разряжаніе съ такимъ патрономъ очень затруднительно, а иногда вовсе невозможно, что портитъ оружіе; въ системахъ сзади заряжающагося оружія порохъ въ бумажной гильзѣ скоро сырѣетъ. Принятіе готовыхъ металлическихъ патроновъ окончательно устранить эти неудобства. Капсюль, несмотря на свои преимущества передъ фитилемъ и огнивомъ, не можетъ выдержать сравненія съ ударнымъ составомъ, вмазаннымъ въ металлическую гильзу готоваго патрона. Съ капсюлемъ могутъ быть весьма частыя осѣчки, или оттого, что въ немъ сойдетъ ударный составъ, или онъ отсырѣетъ, или, наконецъ, отмокнетъ на сыромъ стержнѣ. Я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ на тѣ лишь причины осѣчекъ, которыя не зависятъ отъ фабрикаціи. Съ металлическими патронами, также тщательно приготовленными, не будетъ осѣчекъ, потому что ударный составъ въ нихъ герметически закрытъ и не приходится вовсе въ соприкосновеніе съ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ сухаго, также тщательно закрытаго пороха.

Не всѣ однакожъ металлическіе патроны одинаково хороши. Патроны, напримѣръ, къ револьверамъ Лефоше даютъ частыя

осѣяни оттого, что въ нихъ капсюль внутри патрона можетъ легко сойти съ ударнаго стерженька отъ сильной тряски или нечаяннаго удара. Изъ системъ извѣстныхъ мнѣ револьверовъ лучшіе патроны дѣлаются къ пистолетамъ г. Лиліенфельда и Смитта-Вессона.

ж) *Безопасность для самого стрѣляющаго.*

Независимо отъ крѣпости ствола, прочной сборки и т. п., опасность для стрѣлка можетъ явиться единственно отъ недостатковъ системы. Такъ пистолеты, сзади заряжающіеся бумажными патронами, снабжены болѣе или менѣе сложными, запирающими казенную часть канала механизмами, и малѣйшая забывчивость солдата тщательно запереть его или просто пустая задорина въ металлъ, образовавшаяся отъ времени и мѣняющаяся плотному закрытію канала, можетъ быть причиною смерти стрѣляющаго. Выдвижные механизмы скоро ржавѣютъ.

Револьверъ г. Лиліенфельда и нѣкоторые другіе совершенно безопасны для солдата. Систему Смитта-Вессона я исключаю изъ этого числа за способъ прикрѣпленія ствола къ корпусу: стволъ можетъ легко сорваться съ запорки и если не нанесетъ вреда самому стрѣлку, то задѣнетъ его товарищей.

Противъ металлических патроновъ возстаютъ, между прочимъ, за то, что они не безопасны въ рукахъ у солдата: при паденіи на полъ, при сильной тряскѣ въ зарядной сумкѣ можетъ произойти взрывъ. Но если выгода такихъ патроновъ дѣйствительно значительна, то не слѣдуетъ останавливаться передъ такими ничтожными препятствіями. Солдаты не дѣти, играть патронами не будутъ, а сумки всегда можно сдѣлать такъ, что устранится всякая тряска.

Остается одна случайность, могущая имѣть опасный исходъ при употребленіи металлических патроновъ. Во время заряжанія револьвера этими патронами, курокъ взводятъ на первый взводъ, съ котораго онъ можетъ нечаянно спуститься и произвести неожиданный выстрѣлъ. Впрочемъ, револьверы со стержнями не избавлены отъ этого недостатка. Только одна система г. Лиліенфельда устроена такъ, что нечаянный выстрѣлъ въ этомъ случаѣ невозможенъ.

Револьверы со стержнями во время стрѣлбы представляютъ слѣдующую опасность: если капсюли нѣсколько широки для стержней, то огонь одного разбитаго капсюля передается сосѣднему и воспламеняетъ въ немъ ударный составъ. Такимъ

образомъ, получается второй, боковой выстрѣлъ, легко могу- щій задѣть кого-нибудь изъ своихъ.

з) *Мѣткость.*

Мѣткость стрѣльбы зависитъ отъ навыка и отъ глазомѣра. Система оружія, равно какъ и всякая теорія, тутъ не причемъ.

Все сказанное здѣсь о вооруженіи войскъ вообще и кавалеріи въ особенности сводится къ такимъ положеніямъ:

1) Никакое сраженіе въ частности не можетъ дать правилъ для вооруженія: всѣ кампаніи въ совокупности даютъ направле- ніе, въ которомъ развиваются военное искусство и вооруже- ніе войскъ.

2) Съ этимъ направленіемъ совпадаетъ для нашего времени развитіе *самостоятельности* солдата.

3) Для кавалеріи техника даетъ уже соответственное ору- жіе: это оружіе есть *револьверъ* съ готовыми металлическими патронами.

V.

При выборѣ оружія для войскъ обыкновенно боятся, что быстрая смѣна новыхъ изобрѣтеній вытѣснитъ принятое ору- жіе. Но такое опасеніе неосновательно. Техническія изобрѣ- тенія идутъ медленнымъ шагомъ: сзади заряжающіяся ружья были извѣстны еще въ XVII столѣтіи, *пушки-револьверы* были изобрѣтены въ началѣ XVIII вѣка (*), и только теперь тех- ника разработала идеи заряжанія съ казенной части и револь- веровъ. Кромѣ того, если и допустить скорыя улучшенія въ техникѣ, то все же скачки не будутъ такіе, которые бы дѣ- лали разницу въ оружіи слишкомъ значительною и, слѣдова- тельно, выходящею за тѣ предѣлы, въ которыхъ возможно еще тактическое примѣненіе войска.

Правда, открытіе какой-нибудь системы новаго оружія со- провождается всегда столь обильнымъ приливомъ разнообраз- ныхъ улучшеній, что дѣйствительно можетъ быть принято за признакъ усилившейся способности къ изобрѣтеніямъ. Но это не больше, какъ стремленіе техниковъ упростить появив- шуюся систему. Надо быть очень осторожнымъ въ виду такого времени: оно время переходное, время конкурсовъ, время сле- гуляцій, время неустановившихся понятій, и потому невыгодное для техниковъ. Полезно содѣйствовать скорѣйшему водворенію

(*) Пушка-револьверъ 1709 года хранится въ артилерійскомъ музеѣ. Она имѣетъ барабанъ о девяти каморахъ, вращающійся съ помощію кривой рукоятки.

порядка въ техническомъ дѣлѣ: иначе, рискъ вооружить войска плохимъ оружіемъ будетъ расти съ каждымъ днемъ. Время это особенно нехорошо отзывается на нашей русской техникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ переходный періодъ заграничная техника все еще имѣетъ нѣкоторое развитіе. Нѣтъ такой плохой системы оружія, нѣтъ такой слабой идеи, которыя, явившись во Франціи, Англіи, Германіи, не привились бы въ другихъ странахъ хотя отчасти. Револьверъ, на примѣръ, Лефосе, боевая способность котораго не выдерживаетъ сравненія съ хорошею глубиной (*), разошелся по Европѣ въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ. Револьверы Кольта, Манжо-Комблена, вообще весьма низкаго достоинства въ боевомъ отношеніи, составили такую славу своимъ изобрѣтателямъ, что я боюсь упрека въ своемъ рѣзкомъ отзывѣ. Напротивъ того, наши техники, лишаясь за это время работы, лишаются даже удовольствія изобрѣтать, потому что система русскаго изобрѣтенія не пользуется заслуженнымъ довѣріемъ за границей, а у себя дома она игнорируется безусловно.

Говоря о недовѣріи нашемъ къ своимъ отечественнымъ техникамъ, я опять-таки не думаю дѣлать упрека исключительно нашему времени: нѣтъ, это недовѣріе къ военно-техническимъ русскимъ улучшеніямъ проходитъ рѣзкою чертою черезъ всю нашу исторію; оно поистинѣ удивительно. Иванъ Грозный употреблялъ полковую артилерію за сто лѣтъ до Густава-Адольфа; при Петрѣ I отливались у насъ бомбическія пушки, употреблялась чугунная картечь; на тульскомъ заводѣ и въ Устюжнѣ ковались *сади заряжающіяся* желѣзныя орудія еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; задолго до крымской войны и за десять лѣтъ до изобрѣтенія Минье пули его были предложены у насъ русскимъ изобрѣтателемъ. И не только европейцы не приняли отъ насъ этихъ улучшеній, но мы, глядя на нихъ, отказались отъ своихъ изобрѣтеній, и лишь впоследствии, единственно по примѣру западныхъ государствъ, приняли мы снова одно за другимъ свои же старыя открытія.

Увлекаясь примѣрами другихъ народовъ и устремляя на нихъ все наше вниманіе, мы забываемъ самое существенное различіе, существующее между ними и Россіей новѣйшаго времени. Это различіе не заключается въ искусствѣ, въ изобрѣ-

(*) Эти револьверы, стрѣляя на 15 шаговъ, не пробиваютъ португейнаго ремня.

тательности, въ догадливости или въ знаніи: все это найдется и у насъ дома; но мы не можемъ сравниться съ западными своими сосѣдами въ размѣрахъ технической производительности: что тамъ производится тысячами — у насъ десятками, что у нихъ накопляется въ день — у насъ въ годъ. Знаніе такого различія дѣлаетъ иногда понятнымъ, почему иностранныя арміи не спѣшатъ вооружаться тотчасъ новымъ оружіемъ: онѣ это могутъ сдѣлать въ нѣсколько недѣль. У насъ же, не переждавъ, какъ бы слѣдовало, періода разнообразныхъ упрощеній, офицеры вооружались самыми разнообразными, иногда весьма плохими револьверами. Нѣкоторыя изъ системъ револьверовъ отжили свой вѣкъ и за границу; къ нѣкоторымъ понадобится выписывать патроны изъ Бельгіи; съ остальными нужно претерпѣвать всѣ тѣ невзгоды, какими только вздумалось изобрѣтателю снабдить ихъ и которыя весьма серьезны. Такъ при разнообразной выдѣлкѣ стержней и трудности достать капсулы по этимъ стержнямъ, очень часто въ револьверахъ Кольта, Манжо-Комблена, Адамса-Дена и др. получается два выстрѣла, когда хотятъ сдѣлать одинъ (по причинѣ, означенной въ пунктѣ ж).

VI.

Револьверъ есть оружіе, которому предстоитъ вытѣснить всякое другое вооруженіе въ кавалеріи; онъ необходимъ для личной обороны офицерамъ, орудійной прислугѣ и всѣмъ, кто не можетъ избѣгать столкновеній со случайнымъ противникомъ.

Въ наше время существуетъ множество (до 28) системъ револьверовъ. Всѣ они раздѣляются на двѣ главныя группы: 1) револьверы со стержнями для капсулей и 2) револьверы, заряжающіеся готовыми металлическими патронами. Какъ тѣ, такъ и другіе по наружному виду сходны между собою. Каждый револьверъ состоитъ изъ ствола, корпуса и барабана съ 5 — 6 гнздами; къ задней части корпуса придѣлана рукоятка, состоящая обыкновенно изъ металлическаго остова съ накладной или надвигной деревянной ложей. Этимъ общимъ видомъ и ограничивается сходство всѣхъ системъ револьверовъ; затѣмъ способъ соединенія главныхъ частей, устройство механизмовъ и удобство употребленія до крайности разнообразны.

Всѣ револьверы со стержнями, независимо отъ частныхъ недостатковъ, присущихъ въ большей или меньшей степени каждой отдѣльной системѣ, имѣютъ еще общій, весьма важный

порокъ, а именно: неудобство при ихъ употребленіи и храненіи.

Заряджаніе ихъ продолжительно: нужно или снимать барабанъ, или дѣйствовать особымъ, имѣющимся съ боку приборчикомъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ приборчикъ легко ломается отъ нажатія туго-входящей въ гнѣздо пули. Разряджаніе требуетъ отвертыванія стержней—операция очень сложная, требующая особой отвертки съ ключемъ, что, впрочемъ, не всегда возможно, потому что нѣкоторые револьверы этой группы имѣютъ барабаны съ глухими стержнями, невывинтными. Но какъ на службѣ солдату можетъ представиться необходимость по нѣсколькимъ мѣсяцамъ имѣть заряженный наготовѣ револьверъ, безъ случая выстрѣлять патроны, то такой трудный способъ разряджанія (или даже невозможность его) очень вредно отзовется на стѣнкахъ могущаго заржавѣть барабана. При стрѣльбѣ можетъ произойти остановка отъ засоренія (см. выше пунктъ е). Кроме того стержневая система подвержена всѣмъ неудобствамъ, происходящимъ отъ употребленія капсюлей (см. пункты е и ж.)

Фабрикація револьверовъ этой группы усложняется работою стержней и особенно приспособленіемъ приборчиковъ. Чтобы придѣлать приборчикъ съ боку ствола, нельзя избѣжать врѣзныхъ пазовъ, вставокъ и винтовыхъ матокъ въ стволѣ; все это ослабляетъ прочность стволовъ, а при работѣ увеличиваетъ бракъ въ нихъ.

При этихъ пистолетахъ необходимо имѣть особыя капсюльные сумочки, пороховницы, пульныя формы, пыжи и ключи для стержней.

Сборка и разборка этихъ револьверовъ очень сложна, особенно въ системахъ Кольта.

Ни одной системы изъ стержневой группы револьверовъ нельзя рекомендовать ни офицерамъ, ни солдатамъ, особенно въ виду необыкновенно-простыхъ системъ второй группы.

Изъ револьверовъ, заряжающихся готовыми металлическими патронами, особенно замѣчательнъ пистолетъ полковника Лиленфельда. Вотъ въ немногихъ чертахъ его преимущества (*).

Стволъ наглухо ввинченъ въ передній конецъ толстой же-

(*) Я ограничиваюсь здѣсь параллельнымъ сравненіемъ только двухъ системъ этой группы: Леоше и Смита-Вессона, съ револьверомъ г. Лиленфельда отъ того, что онъ болѣе другихъ у насъ извѣстенъ.

лѣаной рамы, идущей отъ корпуса и отгибающей снизу положеніе для барабана. Такое соединеніе ствола съ корпусомъ очень прочно. Другіе револьверы этой группы гораздо слабѣе въ этомъ отношеніи. У Леоше стволъ навинчивается на болтъ, вдѣланный очень слабо въ переднюю стѣнку корпуса; къ стволу придѣланъ еще особый приливъ, усложняющій фабрикацію до того, что по этой только причинѣ брать въ ствольцахъ доходить до 10%. У Смитта-Вессона свершеніе ствола съ корпусомъ еще слабѣе: онъ держится на шарнирѣ, вдѣланномъ въ тонкую пластинку, идущую отъ корпуса поверхъ барабана; снизу онъ прикрѣпленъ къ спицѣ корпуса пружиной задвижкой такъ неудобно, что отъ выниманія револьвера изъ футляра задвижка можетъ отыраться и тѣмъ породить опасность при внезапной необходимости стрѣлять.

Барабанъ г. Лиліенфельда, какъ и другихъ револьверовъ этой группы, о шести сквозныхъ, гладкихъ, цилиндрическихъ гнѣздахъ. Онъ надѣвается на особый, легко-вынимающійся болтъ между корпусомъ и переднимъ концомъ рамы независимо отъ ствола, такъ что отвинчивать стволъ (Леоше) или отгибать его (Смитта-Вессонъ) не нужно для того, чтобы снять барабанъ. Эта особенность важна потому, что сокращаетъ время при сборкѣ и разборкѣ револьвера и берегаетъ свершенія ствола отъ порчи, которая неизбежна при частомъ его сниманіи.

Устройство корпуса и внутренняго механизма проще и несравненно прочнѣе, чѣмъ во всѣхъ системахъ обѣихъ группъ. Ни боевой пружины, ни перки не нужно отвинчивать для того, чтобы разобрать главныя части механизма. Черезъ это устранена ломка пружинъ и избѣгнуто необходимое въ нѣкоторыхъ другихъ системахъ употребленіе нажимовъ. Такое упрощеніе рѣшительно превосходитъ все до сихъ поръ придуманное съ этою цѣлію для ружейныхъ, пистолетныхъ и револьверныхъ механизмовъ. Чтобы получить вращеніе барабана при взводѣ курка, устроено сзади барабана хроповое колесо о шести зубцахъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ одному гнѣзду. Во всѣхъ системахъ револьверовъ хроповое колесо нарезывается на самомъ тѣлѣ барабана. Это неудобно при фабрикаціи, потому что отъ вѣрной нарезки зубцовъ зависитъ совпаденіе оси гнѣзда съ осью ствола при каждомъ взводѣ курка. Здѣсь необходима большая точность въ размѣрахъ каждаго

зубца; малѣйшая ошибка въ этомъ отношеніи увеличиваетъ бракъ въ барабанахъ. Кромѣ того, если на службѣ хрповое колесо подвергнется порчѣ отъ довольно значительнаго тренія, то понадобится замѣнить барабанъ новымъ, что дорого стоитъ. Предвидя это обстоятельство, г. Лиліенфельдъ отдѣлил хрповое колесо отъ барабана и тѣмъ совершенно отстранилъ неудобства предъидущаго способа.

Ложа у этого револьвера, короткая, деревянная, служащая только рукояткою, устроена подобно другимъ, но имѣетъ то преимущество, что она прямая и потому лучше предохранена отъ раскола. Въ кривой ложѣ волокна дерева въ концахъ рукоятки коротко срѣзываются и держатся только весьма небольшою силою поперечной связи. Въ системѣ Леоше, уже во время сортировки и пригонки на заводѣ, бракъ въ ложахъ по этой только причинѣ доходитъ до 30%.

Заряжаніе револьверовъ этой группы вообще очень скоро, но удобства неодинаковы для всѣхъ системъ. Такъ въ револьверѣ системы Леоше при заряжаніи нужно открыть особый клапанъ съ правой стороны корпуса для того, чтобы получить доступъ къ гнѣздамъ барабана. Клапанъ этотъ неудобенъ: винтикъ, на которомъ онъ вращается, скоро измалывается отъ тренія, и тогда клапанъ перестаетъ держаться самъ собою въ открытомъ положеніи и тѣмъ затрудняетъ заряжаніе, требуя участія лѣвой руки, занятой и безъ того поворачиваніемъ барабана и держаніемъ револьвера. Когда же осевой винтикъ перетрется совсѣмъ, то клапанъ потеряется и патроны будутъ выпадать назадъ; наконецъ отъ сырой погоды клапанъ можетъ перержавѣть къ выемкѣ корпуса, отчего отпирание его будетъ сопряжено съ изломомъ запирающей пружинки. Это особенно часто случается.

У Смита-Вессона для заряжанія револьвера необходимо снимать барабанъ, что для кавалериста неудобно, когда онъ на конѣ: приходится держать револьверъ, барабанъ особо и кромѣ того произвести заряжаніе барабана.

Система г. Лиліенфельда избавлена отъ клапановъ и отъ снятия барабана при заряжаніи. Для этого придумана имъ особая эксцентрическая шайба, закрывающая гнѣзда барабана сзади. Заряжаніе производится очень скоро (отъ восьми до десяти секундъ); при этомъ револьверъ держится въ лѣвой рукѣ, большимъ пальцемъ которой разъ повернется шайба, а потомъ

постепенно поворачивается барабанъ. Во все это время курокъ находится на первомъ взводѣ; а шайба, будучи повернута для заряжанія, тѣмъ самымъ закрываетъ доступъ курковаго носка къ заряженнымъ гнѣздамъ барабана. Вотъ почему только въ этой системѣ нечаянный выстрѣлъ, во время заряжанія съ надѣтымъ барабаномъ, невозможенъ.

Разряжаніе производится легко, съ соблюденіемъ тѣхъ же самыхъ правилъ.

Отъ удобства и простоты, съ которыми могутъ быть произведены чистка и смазка револьверовъ, зависитъ продолжительность ихъ службы. Самая лучшая система въ этомъ отношеніи была бы та, въ которой для смазки могли бы быть вынуты только тѣ части механизма, которыя дѣйствительно въ этомъ нуждаются, между тѣмъ какъ все прочее оставалось бы собраннымъ. Эту трудную задачу весьма остроумно и просто разрѣшилъ г. Лиліенфельдъ. Въ его системѣ для смазки всего механизма, какъ-то: шептала спуска, курковаго катка, спусковыхъ зубцовъ и пр., нужно вынуть только два шурупа (у Лефоше 14, у Кольта 11), при чемъ курокъ вынимается и открываетъ всю внутренность корпуса.

При револьверѣ этомъ нужна одна только отвертка.

Всѣ части этой системы приспособлены къ машинной работѣ; прочность ея превосходитъ далеко прочность прежнихъ одноствольныхъ пистолетовъ. Легкодальность этого револьвера равняется $\frac{1}{75}$ (Лефоше $\frac{1}{6}$, Смита-Вессона $\frac{1}{75}$), т. е. въ три фунта вѣсомъ онъ стрѣляетъ на 200 шаговъ, пробивая на этомъ разстояніи однодюймовую доску.

Впрочемъ, въ краткомъ описаніи невозможно дать надлежащее понятіе о всѣхъ упрощеніяхъ, которыми остроуміе изобрѣтателя предотвратило всѣ признанныя неудобства другихъ системъ. Предусмотрительность изобрѣтателя идетъ такъ далеко, что, на примѣръ, въ его только системѣ устранена возможность играть барабаномъ, поворачивая его на оси отъ нечего дѣлать, когда курокъ спущенъ. Вообще касательно прочности скрѣпленій между главными частями, крѣпости и простоты всѣхъ частей револьверъ г. Лиліенфельда можетъ быть признанъ безупречнымъ. Въ устройствѣ же механизма хотя и могутъ быть незначительные недостатки, но изобрѣтатель такъ строго сочеталъ выводы научной теоріи съ технической возможностью осуществить ихъ въ механизмѣ своего револьвера,

что возможное исправленіе недостатковъ должно быть предоставлено будущему времени. Такъ, напримѣръ, по теоріи, лучшее расположеніе курка было бы съ боку корпуса, какъ это и появилось у Кольта и у нѣкоторыхъ другихъ; но отъ подобнаго помѣщенія курка происходятъ такое усложненіе системы, такое затрудненіе работы и такое ослабленіе передаваемой силы при дѣйствіи на курокъ, что всѣ новѣйшіе фабриканты отказались отъ боковыхъ курковъ. Но въ системѣ г. Дилиенфельда неудобство срединнаго курка, состоящее въ томъ, что легче проникаетъ сырость во внутрь корпуса, въ значительной степени ослаблено тѣмъ, что, облегчивъ до крайности разборку механизма, г. Дилиенфельдъ даетъ возможность скоро очищать его. Между тѣмъ, и механизмъ револьвера съ боковымъ куркомъ тоже не совершенно защищенъ отъ сырости, которая проникаетъ сквозь дырѣя, продѣланныя въ передней доскѣ корпуса для рычага и упора; очистка же его несравненно сложнѣе.

Затѣмъ остается сдѣлать одно только замѣчаніе: сосокъ курка, на который владется большой палецъ правой руки для взвода, слишкомъ закругленъ; его слѣдуетъ сдѣлать плосче, наподобіе лопатки: тогда ходъ курка будетъ легче, или, лучше сказать, давленіе на палецъ будетъ мягче.

Что касается патроновъ, то револьверъ г. Дилиенфельда можетъ выдержать значительныя въ нихъ измѣненія. Устройство курка, барабана и шайбы таково, что система очень мало зависитъ отъ конструкціи и вида могущихъ появиться новыхъ улучшенныхъ металлическихъ или папковыхъ патроновъ.

VII.

Въ Англіи издавна извѣстенъ приѣмъ, усвоенный военными людьми, желающими провести какую-нибудь мысль въ общество. Приѣмъ этотъ состоитъ въ томъ, что, выставивъ въ худшемъ по возможности видѣ вооруженіе своей страны, они пугаютъ публику призраками скорой войны. Не уважая, по многимъ причинамъ, такого способа убѣждать, я, напротивъ того, вижу необходимость своего заявленія единственно въ виду продолжительнаго мира. Каково бы ни было новое оружіе въ нашей кавалеріи, все-таки потребуется немало времени, чтобы приучить солдатъ къ этому оружію, ибо съ практической точки зрѣнія умѣнье владѣть оружіемъ и тактическое примѣненіе къ нему гораздо важнѣе иногда мелочныхъ несовершенствъ системы.

Въ видахъ экономіи, а также для лучшаго ознакомленія солдатъ съ револьверами, можно вводить это оружіе постепенно, начиная съ раздачи его офицерамъ, унтеръ-офицерамъ, старшимъ солдатамъ и наконецъ младшимъ.

Такимъ образомъ, младшіе чины въ кавалеріи успѣютъ ознакомиться съ револьверами прежде чѣмъ получать его сами; кромѣ того, въ каждую отдѣльную кавалерійскую команду можно дать нѣсколько револьверовъ изъ брака спеціально для ознакомленія солдатъ съ этимъ оружіемъ.

Для экономіи важны еще: однообразіе, прочность и удобство сбереженія. Вся кавалерія, а по возможности всѣ тѣ, которыхъ полезно вооружать револьверами, должны имѣть это оружіе одной системы, одного калибра, одинаковые патроны, одинаковую принадлежность.

Прочность зависитъ: 1) отъ качества матеріаловъ, изъ которыхъ сдѣлано оружіе, и 2) отъ устройства системы. Если сдѣланный револьверъ будетъ вполне удовлетворять условіямъ годности, выраженнымъ въ инструкціяхъ для пріемки оружія, то онъ не можетъ быть не проченъ по первому пункту; устройство же системы, какъ у г. Диліенфельда, таково, что револьверъ, менѣе чѣмъ какое-нибудь другое огнестрѣльное оружіе, подвергается вреднымъ случайностямъ при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Дешевизна оружія находится въ тѣсной зависимости отъ размѣровъ производительности въ странѣ и отъ сроковъ работы. Револьверъ у насъ, несмотря на новизну системы, не можетъ стоить дороже заграничнаго, особенно если принять въ расчетъ разницу денежнаго курса. Когда же машинное производство разовьется у насъ на широкихъ основаніяхъ, благодаря отдачѣ оружейныхъ заводовъ въ коммерческое управленіе, то револьверъ — очень удобный для машинной выдѣлки — будетъ стоить дешевле, чѣмъ одноствольный пистолетъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что пистолетъ двухпульной системы, работа котораго на машинахъ неудобна, стоилъ казисъ 25 р., тогда какъ револьверъ Лесоше у того же заводчика обошелся всего въ 15 р. Какъ тотъ, такъ и другой дѣлались на заводѣ въ первый разъ, и потому нельзя предполагать иной причины такой разницы въ цѣнахъ, кромѣ различія въ удобствахъ работы.

Что же касается до сроковъ работы, то чѣмъ срокъ короче

и спросъ на оружіе настоятельнѣе, тѣмъ оно обойдется дороже. Вотъ почему необходимо постепенное и неторопливое вооруженіе войскъ.

Нынѣшняя дороговизна револьверовъ ненормальна ; она происходитъ отъ большаго спроса на револьверы въ публикѣ и въ то же время отъ недостатка гуртоваго сбыта и отъ колебаній денежнаго курса. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкое оружіе находило себѣ такой сбытъ въ публикѣ, какъ револьверы. Общество сразу поняло преимущество револьвера предъ всякимъ другимъ оружіемъ въ путешествіяхъ и странствованіяхъ всякаго рода. Кромѣ Англій, которая вооружила револьверами даже плохой, кольтовской системы свои экипажи, ни одно государство не поощрило надлежащимъ образомъ это важное военное изобрѣтеніе. Только благодаря инстинктамъ публики оно не заглохло окончательно.

Металлическіе патроны хотя дороже бумажныхъ, но несравненно экономятъ послѣднихъ, вслѣдствіе большей своей прочности. Они легко выдерживаютъ въ складахъ нѣсколько зимъ, тогда какъ бумажные патроны не могутъ всецѣло пережить и одной зимы.

20-го іюля 1866 г.

Л. П.